

УДК 504.3; 502.3

DOI: 10.17223/2312461X/20/8

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» С АНТРАЦИТОВЫМ ОТБЛЕСКОМ: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И ДОБЫВАЮЩИЕ КОМПАНИИ КУЗБАССА В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА *

Владимир Валерьевич Поддубиков,
Сергей Александрович Арцемович,
Дмитрий Анатольевич Функ

Аннотация. Работа посвящена исследованию социальных издержек российской модели угольного экстрактивизма. На примере одного из наиболее резонансных и острых конфликтов между сообществами коренного малочисленного народа – шорцев – и угледобывающими компаниями Кемеровской области (Россия) описаны ключевые конфликтные дискурсы, исследованы практики переживания конфликта и его последствий, выявлен потенциал для постконфликтного восстановления индигенных сообществ. Работа подготовлена на основе материалов многолетних наблюдений авторов за развитием конфликтов в районах экстенсивной добычи угля. В российской практике социальной антропологии ресурсные конфликты на землях коренных народов недостаточно описаны в терминах переживания травмы, ее преодоления и постконфликтного восстановления. Представленный в работе кейс-стади частично восполняет данный пробел.

Ключевые слова: экстрактивизм, ресурсные конфликты, «ресурсное проклятие», социальная антропология, оценка социального воздействия промышленных проектов, коренные народы

Проблема, обсуждению которой посвящена настоящая работа, очевидно, не нуждается в обосновании актуальности. Она находится в самом центре острого и нередко эмоционального публичного дискурса, по существу, социальных издержек экстрактивизма, цены и перспектив развития, основанного на экстенсивном освоении невозобновляемых ресурсов, воздействии добывающих производств на глобальный климат и местные сообщества (прежде всего, коренных народов) во всем мире. Распространенная в этом направлении риторика концептуально восходит к критике самой неолиберальной модели капитализма (Veltmeyer

* Исследование выполнено в рамках проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (грант РНФ № 15-18-00112).

2014; Engels 2017) как не соответствующей идеалам сбалансированного и устойчивого развития (Acosta 2017; Valencia 2016), социально-справедливого распределения ресурсной ренты и вытекающих из нее благ, преодоления (нео-, пост-)колониальных парадигм ресурсного империализма, риски которого для значительной части человечества настолько очевидны, что формируют ряд значимых глобальных угроз экологического, социального и экономического порядка.

Особое беспокойство во всем мире вызывает проблема нарастающих диспропорций в доступе к материальным благам и, в частности, фактическое отстранение от них той части человечества, которая сосредоточена именно в регионах производства этих благ.

Еще в 1995 г. в докладе научно-исследовательского института социального развития ООН (UNRISD) отмечалось, что «многим [людям] быстрые социально-экономические перемены второй половины XX столетия принесли улучшение жизни, но есть и миллионы тех, кто не получил никаких преимуществ...», а, скорее напротив, испытывает лишь негативное влияние со стороны развивающейся инфраструктуры мировой экономики, сориентированной на удовлетворение растущего спроса на товары и услуги в экономически развитых странах, и связанной с этим экстенсивной добычи ресурсов (Тревоги 1997: 24). Речь в докладе шла о социально уязвимых группах населения развивающихся стран, в значительной степени отстраненных от глобальной системы распределения социальных и экономических благ. «Люди, которых обгоняет модернизация» – так авторы доклада обозначили часть населения мира, насчитывающую сотни миллионов человек, для которых характерен низкий уровень жизни, затрудненный доступ к высокооплачиваемому труду, образованию, медицинскому обслуживанию и жизненным стандартам общества потребления. По сути, речь идет о масштабном мировом социальном дисбалансе, который, вопреки логике самой глобализации и распространенного концепта «глобальной деревни», не сближает народы мира, стремясь к их интеграции в структуре мирового социума, а, напротив, усиливает разделяющие их социальные дистанции и обостряет уязвимость значительной части населения мира.

Коренные народы в регионах добычи полезных ископаемых, вне всяких сомнений, составляют важную часть этого уязвимого в социальном отношении глобального сообщества, поскольку многие из них испытывают на себе весь комплекс негативных воздействий со стороны объектов добывающей промышленности, находясь при этом на периферии дистрибутивной системы экстрактивистской экономики. В этом контексте во многих странах мира (включая развитые в экономическом отношении государства Европы и Северной Америки) применительно к коренным / индигенным народам уместно говорить о «ресурсном проклятии». Из-за обилия запасов стратегически важных ресурсов на тер-

риториях их основного проживания многие из этих этнических групп сегодня оказались в ситуации неопределенности, связанной с болезненным и непростым выбором траектории дальнейшего развития.

Один из очевидных, казалось бы, вариантов решения проблемы заключается в консолидации сообществ коренных народов на почве «общей опасности» и их мобилизации на борьбу с экстрактивизмом в защиту своих законных прав, в том числе на сохранение среды обитания, культурной самобытности и устойчивую практику «этнической традиции». Довольно часто этот (нео)традиционалистский вектор предполагает институционализацию движений коренных народов в виде общественных организаций, их национальных и международных ассоциаций, а также последовательную деятельность по закреплению особых прав уязвимых общностей в рамках национальных и международной правовых систем. Надо сказать, к настоящему времени в этом направлении сделано достаточно много: сегодня в мире и отдельных странах ключевые права коренных народов не просто закреплены на законодательном уровне, но и реально гарантируются через различные механизмы правоприменительной практики. Вместе с тем, несмотря на развитое правовое поле для решения проблем коренных народов, что, как можно было бы ожидать, должно стабилизировать дискурс экстрактивизма и связанных с ним рисков для коренных народов, мы отнюдь не наблюдаем существенного снижения числа конфликтных ситуаций в отношениях индигенных групп и добывающих компаний. Напротив, такие конфликты возникают практически в каждом случае, связанном с началом разработки месторождений полезных ископаемых на землях коренных народов. Различными могут быть лишь уровень резонанса конфликтной риторики, степень ее политизированности да конфигурация субъектов конфликта.

В чем же состоят основные причины конфликтогенеза и те болезненные точки в отношениях индигенных сообществ и добывающих компаний, которые, несмотря на наличие гарантированных прав коренных народов, все же не сняты с повестки дня? Возможно, они связаны с трудностями, характеризующими второй возможный (и, видимо, более важный) вектор развития сообществ коренных народов на современном этапе. Речь идет о необходимости адаптации к изменяющимся жизненным условиям, в том числе воздействию со стороны ресурсодобывающей индустрии, включая ее негативный социальный и экологический импакт¹. Во многом эта задача не решается автоматически даже при наличии самого развитого правового поля, которое само по себе, конечно, не сводит на нет социальные риски экстрактивизма, а лишь формирует механизмы их компенсации, так или иначе подталкивая индигенные сообщества к интеграции в новые контексты, адаптации к новым социальным, экономическим и культурным связям. Очевидно,

это довольно болезненный, а во многих случаях мучительный процесс, требующий от сообществ коренных народов не просто элементарного приспособления к современной конъюнктуре, но также готовности позиционировать себя в новом социальном пространстве. Это почти всегда связано с глубокими и эмоционально насыщенными трансформациями не только в культурных практиках, но и самой основы группового самоопределения, которое, как часто декларируют участники конфликтных дискурсов, подчас находится на грани полного исчезновения и вот-вот приведет к окончательной утрате самих уязвимых в современном контексте «этносов». Однако же такая оценка ситуации и перспектив ее развития не всегда соответствует действительности и далека от фокуса на реально важной проблеме – анализе того, как, собственно, переживается процесс адаптации; какие уровни социальной организации, культурных практик и групповой идентичности индигенных сообществ и насколько он трансформирует; как концептуализируются травма, понесенный ущерб, прямые и косвенные потери в связи с воздействием добывающих компаний; каковы возникающие в этом контексте реальные напряжения, создающие основу для развития конфликтов.

Концепт переживания конфликта и его последствий, дискурсивного осмысления травмы и путей ее преодоления, как нам кажется, исключительно важен с точки зрения поиска чувствительной оптики для социально-антропологических, в том числе прикладных исследований, направленных на адекватное описание ресурсных конфликтов на землях коренных народов на языке, который мог бы стать основой для дальнейшей медиации и эффективного переговорного процесса.

Стоит в этой связи отметить, что для российского исследовательского опыта почти не характерен фокус на анализе дискурсивного переживания травмы или последствий ресурсных конфликтов на землях коренных народов. В практике этнологической экспертизы (исследования, направленного на получение практически значимых оценок воздействия добывающей индустрии на сообщества коренных народов), к примеру, сложилась относительно устойчивая традиция давать подробные описания состояния «этнокультурной среды» (Мурашко 2002), «традиционных систем жизнеобеспечения» и характерных форм природопользования исследуемых групп коренных народов (Садовой и др. 2005; Бойко и др. 2008) с перспективой оценки воздействия на них со стороны промышленных проектов, связанного с этим ущербом, потерей и рисков, требующих компенсации. Соответственно, внимание экспертов сосредоточено в основном на описании видимой стороны некоторой идеализированной модели «нормального» состояния основных культурных и социально-экономических характеристик индигенных сообществ, которые затем анализируются в контексте возможных трансформаций, вызванных воздействием добывающих компаний. Использо-

зуемый при этом язык сочетает преимущественно академические нарративы этнической традиции, культурного уклада, социальной организации этнических групп коренных народов с описательной статистикой населения, его демографической устойчивости и социально-экономического профиля. Получаемая в итоге картина дает весьма усредненное представление по существу реальных проблем² и, что особенно важно отметить, не проясняет специфику их восприятия в среде самого исследуемого сообщества, точнее, его конкретных представителей. В итоге за официальными заключениями этнологических экспертиз за редким исключением (Головнев и др. 2014) практически не слышно голосов самих носителей «уязвимой культуры». Между тем именно переживание конфликтной ситуации и дискурс ее основных «болевых точек» (причем одновременно всеми субъектами конфликта, а не только сообществами коренных народов) может представлять существенный интерес, поскольку в нем сокрыта мотивация сторон и, как нам видится, ключ к построению устойчивого диалога.

Что касается мировых исследовательских практик антропологов, то среди них как раз имеются удачные кейс-стади, демонстрирующие возможности анализа конфликтных дискурсов, потенциала и практик постконфликтного восстановления сообществами коренных народов ключевых компонентов их групповой идентичности. Великолепный тому пример содержится, в частности, в монографии британского антрополога Джудит Бовенсипен (Bovensiepen 2015), посвященной исследованию процессов культурного возрождения в локальных сообществах коренного населения Восточного Тимора, переживших длительный период Индонезийской оккупации и связанных с этим потерь.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку дать краткое, в известном смысле демонстрационное описание едва ли не самого острого и в настоящее время резонансного кейса ресурсного конфликта на землях коренных народов в России, используя при этом оптику и теоретическую рамку дискурсивного анализа переживания локальными группами коренных народов последствий конфликта и вызванной им травмы. Цель наших усилий состоит в выявлении эвристических возможностей данного подхода, обосновании его применимости в отечественной практике социально-антропологических исследований, в частности, в области оценки социального воздействия промышленных проектов на сообщества коренных народов. Речь пойдет о ситуации, сложившейся на юге Кемеровской области, точнее, на территории муниципального образования «г. Мыски», где локальные группы коренного малочисленного народа – шорцев – не просто ощущают на себе вот уже на протяжении нескольких десятилетий весь объем социальных издержек экстрактивизма в виде разрушающего воздействия на среду обитания и в целом жизненное пространство со стороны угледобывающих компа-

ний, но и стремительно это пространство теряют, подвергаясь вынужденному переселению со всеми вытекающими из этого последствиями и, прежде всего, необходимостью ускоренной социальной адаптации в измененных условиях. Далее мы рассмотрим лишь некоторые сюжеты, как нам представляется, наиболее показательные с точки зрения общей картины переживания местными сообществами самого конфликта, вызванных им последствий и травмы. Опираясь при этом мы будем в основном на материалы многолетних полевых исследований в местах локализации конфликта, собранные преимущественно в период с 2004 по 2018 г. усилиями всех авторов этой работы³. В основе своей используемые данные представляют собой глубинные структурированные и полуструктурированные интервью с представителями вовлеченных в конфликт местных сообществ, органов муниципальной власти и добывающих компаний, действующих в указанном районе. Также нами используются опубликованные в медиа-пространстве выступления по существу конфликтной ситуации, включая письменные заявления участников конфликта и видеоконтент, представленный в свободном доступе. Частично для прояснения отдельных нюансов и деталей конфликтной ситуации нам удалось привлечь отдельные делопроизводственные и нормативные документы органов власти, общественных организаций шорцев и добывающих компаний. Для общей характеристики контекста развития ресурсного конфликта и его последствий мы используем фоновую статистику из открытых источников.

Перед тем как перейти к характеристике конфликтного дискурса, соответствующих ему риторик и нарративов, приведем общие сведения о контексте конфликта и краткую историю его развития.

Особенности российской модели угольного экстрактивизма: ресурсные конфликты в Кузбассе в контексте дискурса прав человека

Определяя контекст развития рассматриваемого нами кейса ресурсного конфликта и переживания его последствий локальными группами шорцев, начать необходимо, по-видимому, не с формирования самой конфликтной ситуации, отстоящего по времени от сегодняшнего дня как минимум на 40 лет, когда производственные площадки по добыче энергетических углей в южной части Кузбасса только проектировались, а с беглого обзора резонансной риторики, по существу, уже состоявшихся событий, распространенной в медиа-пространстве, в том числе в зарубежных источниках, рисующих картину современного восприятия российской модели угольного экстрактивизма в целом.

Не вдаваясь во все очевидные политические подтексты дискурса российского угля как «грязного» топлива с несоизмеримо высокой це-

ной, исчисляемой невосполнимыми потерями в окружающей природной среде, низким качеством жизни местного населения, сокращением его численности и полным разрушением среды обитания коренных малочисленных народов, стоит, однако, выделить два доминирующих тезиса в осуждающей российский угольный экстрактивизм риторике, транслируемой известными за рубежом общественными правозащитными движениями.

Первый из них, исходящий от российской экологической организации «Экозащита»⁴ и ее зарубежных партнеров в лице британской сети действий против угледобычи «Coal Action Network»⁵ и британско-бельгийской организации в защиту леса «Fern»⁶, вполне можно считать задающим тон дискуссии об издержках угольного экстрактивизма в глобальном контексте. Ряд аналитических публикаций указанных организаций, упоминающих ресурсные конфликты на юге Кемеровской области или прямо им посвященных (Ditch 2015; The Cost 2015; Brown 2016; Андреева Харрис 2018), развивает тему причинно-следственной связи между потребностью европейских стран в угле как энергетическом сырье и той ценой, платить которую приходится локальным сообществам в местах его добычи. В этом смысле коренные народы и в частности шорцы юга Кемеровской области характеризуются как символ жертвы ресурсного капитализма, беззащитной перед лицом его хищнических устремлений. Сопутствующие этому выводы вполне очевидны: западные общества, построенные на ценностях уважения к правам человека и обеспокоенные глобальным потеплением, должны максимально сократить потребление «кровавого» ресурса, а в перспективе полностью от него отказаться.

Второй распространенный в международном дискурсе угольного экстрактивизма тезис, сформулированный в докладе Международной группы по делам коренных народов (IWGIA) вице-президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока Российской Федерации Дмитрием Бережковым (Berezhkov 2012), проблематизирует социальный контекст распределения ресурсной ренты. В этом тезисе обращается внимание на то, что в условиях российской модели угольного экстрактивизма суперприбыли, распределяемые далеко за пределами территорий добычи ресурсов, собственно, возможны лишь за счет перекалывания бизнесом большей части не прямых издержек (таких, как ухудшение экологической ситуации и качества жизни) на местные сообщества.

Не оспаривая в целом логики этих рассуждений, необходимо, тем не менее, отметить, что они не описывают уникальной специфики именно Кузбасса или угольной отрасли России в целом. Аналогичная стигма символической жертвы практически всегда характерна для любого населения регионов экстенсивного изъятия полезных ископаемых. И все соответствующие издержки местные сообщества практически

всегда на себе ощущают вне зависимости от того, о какой стране или каком именно ресурсе идет речь. В этом можно убедиться на многочисленных примерах, описанных в литературе (см., например, Gilberthorpe, Nilson 2014). Высказываемые правозащитными организациями критические замечания в адрес действующих на территории Кемеровской области угольных компаний, скорее, касаются глобального уровня обобщений относительно самой природы ресурсного капитализма и сохраняющейся углеводородной зависимости мировой экономики.

Существенная особенность именно Кемеровской области состоит, пожалуй, в том, что она является старопромышленным регионом с давно сформировавшимся базовым сектором региональной экономики, ориентированным на экстенсивное освоение и переработку запасов каменного угля и других полезных ископаемых с экспортной ориентацией значительной части добычи. Вопросы защиты прав коренных народов, оказавшихся в зонах техногенного воздействия угледобывающих предприятий, появились в региональной повестке намного позднее, чем были определены стратегии экономического развития и планы по освоению недр, то есть не раньше первой половины 1990-х гг. История освоения угольных месторождений на юге Кемеровской области в предшествующие десятилетия (начиная с 1970-х гг.) связана со множеством случаев вынужденного расселения населенных пунктов, попадавших в границы лицензионных участков. Были прецеденты ликвидации и шорских поселений. Поселок Курья, к примеру, расположенный на территории современного МО «г. Мыски», был расселен в 1970-е гг. в связи со строительством Сибиргинского угольного разреза, что ни тогда, ни позже не вызвало социального протеста со стороны шорской или местной в целом общественности⁷. Все это не способствовало в итоге ни осознанию значимости проблем вынужденного расселения целых общин коренного малочисленного народа, ни накоплению какого-либо опыта компенсаций населению за понесенные потери. Таким образом, в момент начала казасского конфликта к нему оказались, по большому счету, не готовы ни местные власти, ни угольные компании. Да и само население, вовлеченное в протестное движение, вряд ли отчетливо представляло, как следует отстаивать свои интересы. Хотя определенный опыт разыгрывания «этнической карты» в конкурентной борьбе между добывающими компаниями в регионе уже имелся и, возможно, история казасского конфликта явилась в определенном смысле развязкой ранее сформированных противоречий.

Из истории взаимоотношений коренных народов и добывающих компаний на юге Кузбасса

Предысторию событий вокруг ныне ликвидированного шорского поселка Казас необходимо отсчитывать с начала 1990-х г., поскольку именно

тогда местные сообщества оказались вовлечены в дискурс угольного экстрактивизма и механизмов распределения ресурсной ренты.

В 1991 г. было принято постановление Администрации Кемеровской области, в соответствии с которым часть налоговых поступлений от предприятий-недропользователей, действующих на территориях так называемых национальных сельских советов⁸, должна направляться в их бюджеты и расходоваться на цели, связанные с развитием социальной инфраструктуры и реализацией программ национально-культурного развития. В 1992 г. статус национального приобрел Чувашенский сельский совет, на территории которого (площадью 158,4 тыс. га) располагались практически моноэтнические шорские поселки Чувашка, Казас, Чузас, Тоз и действовали два угольных разреза, перечислявших в бюджет сельсовета часть налогов в соответствии с имеющимися соглашениями о социальном партнерстве (Садовой и др. 2005: 9). В условиях финансовой нестабильности последнего десятилетия XX в. это позволяло обеспечивать местные сообщества регулярными поступлениями ресурсной ренты, функция распределения которой, к тому же была спущена на уровень местного самоуправления. Ни одна другая территория компактного проживания коренных народов в Кемеровской области ни на тот момент, ни позже не обладала подобными преференциями. Безусловно, налоговые поступления в бюджет сельской территории не только позволяли решать текущие проблемы и финансировать программы национально-культурного развития, но также способствовали осознанию местными сообществами своей значимой роли в переговорном процессе по вопросам недропользования на этнической территории (как она тогда воспринималась в общественном сознании местных групп шорцев). Строительство новых производственных площадок и объектов промышленной инфраструктуры на территории сельсовета в обязательном порядке согласовывалось с местным населением. В частности, своим добровольным решением Чувашенский национальный сельский совет передал часть своих земель под строительство новой шахты на Урегольском каменноугольном месторождении в непосредственной близости от пос. Чувашка. Никаких конфликтных ситуаций в отношениях с шахтой Урегольской, как, собственно, и с другими угольными предприятиями, у местных групп шорского населения не возникало вплоть до начала 2000-х гг.

Ситуация начала резко меняться с 1999 г., когда Чувашенский национальный сельский совет был выведен из состава Новокузнецкого района и административно подчинен муниципальному образованию «г. Мыски». Характерно, что именно этот момент положил конец финансовой автономии сельсовета: в дальнейшем налоговые поступления от недропользователей были перенаправлены в муниципальный бюджет. От недавних преференций, которые уже начали восприниматься

населением как норма, осталась лишь функция прямого согласования решений о строительстве новых объектов промышленной инфраструктуры на землях сельского совета. И именно это сыграло свою роль в дальнейшем развитии событий.

Одновременно в этом районе назревал конкурентный конфликт между добывающими компаниями. Лицензию на освоение Урегольского месторождения получило ООО «МетАл» – дочерняя компания ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», которое планировало за счет самостоятельной добычи коксующихся углей снизить себестоимость этого необходимого в металлургическом производстве сырья. Первая же попытка нового собственника шахты «Урегольская» договориться с местным монополистом – Угольной компанией «Южный Кузбасс», владевшей разрезами «Сибиргинский» и «Красногорский», – об аренде некоторых объектов промышленной инфраструктуры (технологической дороги, высоковольтной линии электропередач и подстанции) выявила массу конкурентных противоречий и ни к чему не привела. ООО «МетАл» было вынуждено проектировать собственное строительство.

Однако согласовать эти проекты с населением Чувашенского национального сельского совета оказалось непросто: неожиданно для собственника местное население высказало крайнюю озабоченность в связи с планируемыми работами по строительству новых промышленных объектов и сформировало рабочую группу, инициировавшую официальное обращение местных жителей на адреса Президента Генеральной Ассамблеи ООН Р. Хунге, Представителя Европейской комиссии Романо Проди, Президента РФ В.В. Путина, Президента RAIPON С.Н. Харючи, губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, а также в журнал «Мир коренных народов». Обращение указывало на ряд фактов грубого нарушения законных прав представителей коренной малочисленной народности (так в документах) – шорцев – в связи с деятельностью ООО «МетАл» и содержало требования о запрещении ее деятельности на территории Чувашенского сельского совета. Столь жесткая позиция активистов рабочей группы, которая в итоге спровоцировала длительные разбирательства и проведение этнологической экспертизы по факту конфликта (Садовой и др. 2005), надолго парализовала работу ООО «МетАл» на Урегольском месторождении. Так в конкурентной борьбе двух добывающих компаний во многом решающим оказалось мнение местных жителей, что, конечно, создало важный прецедент. Именно в его контексте следует, на наш взгляд, рассматривать новый виток развития конфликта, разгоревшегося в первой половине 2010-х гг. в связи с проблемой Казаса, но уже между местными жителями и угольной компанией «Южная», правопреемницей «Южного Кузбасса», когда-то одержавшего верх в конкурентной борьбе с ООО «МетАл» не без поддержки со стороны местного индигенного сообщества.

«Родина и остальные мелочи...»: Казас как утраченное жизненное пространство

В 2012 г. одно из старейших поселений шорцев в низовьях реки Мрассу – пос. Казас – оказалось в непосредственной близости от производственных площадок угольной компании «Южная». Экологическую ситуацию в районе поселка и в целом условия жизни к тому времени иначе как катастрофическими назвать было нельзя. Население вынуждено было использовать завозную питьевую воду в связи с загрязнениями естественных водоемов и подземных источников. Пылевые и шумовые загрязнения в результате взрывных работ (рис. 1) на разрезе превышали все допустимые нормы. Даже доступ в Казас был ограничен дежурным постом угольной компании, на котором производился досмотр личных вещей и проверка документов у всех желающих проехать в поселок по технологической дороге (иные возможности транспортного сообщения, за исключением переправы на лодке, отсутствовали). Жители начали в этой связи проявлять беспокойство и ставить вопрос о компенсациях за причиненные им неудобства.

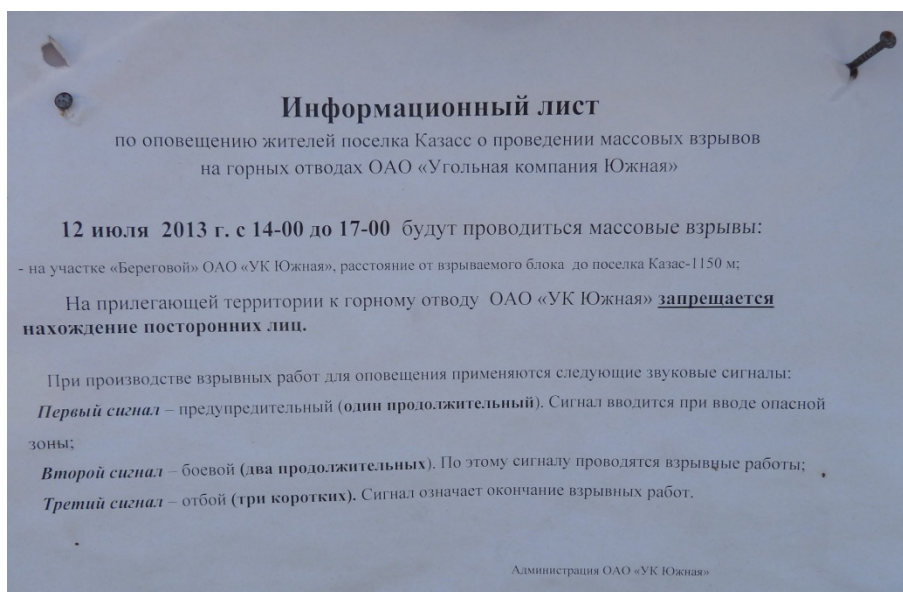

Рис. 1. Объявление на жилом доме в пос. Казас. 17 июля 2013 г. Фото Д.А. Функа

Однако не в этом, как оказалось, крылась основная проблема. Лицензия УК «Южная» на эксплуатацию недр распространялась и на территорию самого поселения, что ставило перед угольщиками задачу ее скорейшего высвобождения. По инициативе добывающей компании

начались переговоры о выкупе у казасинцев их земельных участков и недвижимого имущества.

Реакция со стороны местных жителей и последовавшие далее события, стремительно раскрутившие маховик конфликта, представляют особый интерес, поскольку касаются формирования новых, во всяком случае, для этого региона, форм групповой солидарности и протеста, а также дискурсивного переживания предстоящего разрыва с привычным жизненным миром, собственной уязвимости, незащищенности, бессилия.

Одним из первых возник дискурс приемлемого размера денежной компенсации за «добровольное» переселение, довольно быстро разделивший население поселка на большинство, согласившееся с предлагавшимися угольной компанией суммами (исчисленными, по видимому, по усредненному рынку жилой недвижимости и земельной собственности, но каждый раз, как утверждали наши информанты, варьировавшимися), и более эмоционально настроенное меньшинство, которое склонно было связывать переезд не просто с продажей объекта собственности, а в значительной степени с витально значимым разрывом с привычным жизненным миром, не подлежащим монетарной компенсации. Комментарии представителей второй группы, которая по истечении года насчитывала всего пять домовладельцев, в целом звучали приблизительно так: *«...если бы я просто продавал дом, я знал бы, что этот дом стоит, а так, я знаю, что теперь я этот дом продаю под снос, то есть совсем другое в душе. Это несоизмеримо, несоизмеримо с чувством потери родины»*; *«Древнее место... Это память. Есть вещи, которые не посчитаешь на деньги»* (ПМА 1). С подобной установкой, которая лишь на первый взгляд может показаться избыточно абстрактным, практически ничем не подкрепленным заявлением или же завуалированной попыткой торга с целью увеличения суммы компенсации⁹, связаны и более понятные для стороннего человека проблемы, неоднократно высказывавшиеся жителями Казаса. В этом ряду уместно упомянуть, к примеру, озабоченность судьбой сельского кладбища (рис. 2, 3), которое, во-первых, должно быть перенесено, без чего невозможно будет его посещение, а во-вторых, и сам факт переноса довольно болезнен, поскольку в этом случае будут потревожены предки, что не просто нежелательно, но может, как полагают люди, навлечь несчастья на живущих в случае, если при переносе не будут соблюдены все необходимые ритуалы.

В целом концепт памяти и, в частности, памяти предков – частая тема в дискурсе утраты Казаса как жизненного мира, наполненного символами связи поколений. В этом контексте пространственное перемещение мыслится и как разрыв этих символических связей. В риторике казасинцев старшего поколения как до ликвидации поселка, так и, в особенности, после него заметно стремление дискурсивно восстановить связи с

предками. Проявляется оно в основном в рассказах о некогда живших выдающихся казасинцах, родителях и более далеких предках наших информантов. Таких рассказов, действительно, много, что позволяет предположить, что эта тема была актуализирована именно дискурсивным переживанием травмы, связанной с утратой людьми освоенного, привычного и эмоционально ценного жизненного пространства.

Рис. 2. Вид на кладбище дер. Казас. 15.07.2013 г. Фото Д.А. Функа

Рис. 3. Фрагмент места захоронения выдающейся шорской сказительницы М.Е. Токмагашевой («Алтын Маня»). Кладбище дер. Казас, 15.07.2013 г. Фото Д.А. Функа

Эмоциональная привязанность наших информантов к Казасу совершенно непонятна для представителей другой стороны конфликта. Для пояснения достаточно привести одну цитату из беседы с работниками угольной компании, занимавшимися сносом выкупленных домов в Казасе: *«Ну а что, им деньги выплачивают и переселяют. ...А почему им плохо? За такую «развалюху» 2 миллиона? Я бы не дал. Можно за 1,3 купить коттедж. Сейчас [всех] интересуют только деньги! Родина и остальные мелочи... Боролись за волю, вот она – воля!»* (ПМА 2).

Хроника дальнейших событий в Казасе отражает стремительный процесс подготовки угольной компании к его ликвидации. К осени 2013 г. в поселке оставалось всего пять домов, чьи собственники не согласились на добровольное переселение. Некоторые из них отказывались даже обсуждать цену своей недвижимости. Зима 2014 г. поставила в этом противостоянии точку, когда необъяснимым образом череда пожаров уничтожила оставшиеся дома и хозяйственные постройки. Казас в дальнейшем продолжил свое существование именно как дискурсивный образ утраченного жизненного пространства и символ неотвратимой угрозы остальным шорским поселениям в низовьях р. Мрассу.

Вместе с тем по инициативе национальных общественных объединений шорцев возникла идея возрождения Казаса на новом месте. Это место даже было определено муниципальной властью и символически отмечено установкой коновязи. Однако до настоящего времени этот проект так и не был до конца реализован.

Шаманизм и (ре)сакрализация объектов конфликта

Еще одной особенностью развития описываемого конфликта и, в большей степени, дискурсивных практик его переживания является отчетливо выраженная тенденция к ревитализации культуры шаманизма, воспринимаемого в качестве «традиционной шорской религии»¹⁰. Внешние проявления этого процесса связаны в основном с демонстрационными действиями лидеров местных сообществ, направленными на сакрализацию основных объектов конфликта, памяти об утраченном Казасе и пространства для нового поселения. Едва ли не важнейшей задачей городской общественной организации «Шория» на стадии ликвидации старого Казаса провозглашалась необходимость выбрать и освятить место для строительства нового поселения. На эти цели муниципалитетом был выделен соответствующий бюджет, который предполагалось потратить на оплату расходов, связанных с проведением серии ритуалов, в том числе по «переселению» духов из района старого Казаса в предполагаемое место его переноса¹¹. В поселке Чувашка довольно быстро возник хорошо обустроенный центр шорской культуры Эне-Тар¹² (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент подготовки к освящению центра шорской культуры. Дер. Чувашка, 19.07.2014 г. Фото А.С. Хлебцевич (из материалов студенческой практики под рук. Д.А. Функа, архив кафедры этнологии МГУ)

Однако, помимо этих инициатив, направленных на общую стабилизацию ситуации, переживаемая травма обуславливает также реальный рост интереса населения к сакральным практикам, в том числе и к культуре шаманизма. По нашим наблюдениям во время полевых исследований 2013 г., казалось, что в обращении к шаманизму многие люди ищут не столько «защиту» для уже, безусловно, потерянного на тот момент пос. Казас, сколько душевное спокойствие и силы, необходимые для сохранения оставшихся шорских деревень и в первую очередь пос. Чувашка, последнего «оплота» шорской культуры в низовьях р. Мрассу. В настоящее же время, с учетом уже завершенных стадий конфликта и начала периода восстановительных практик, ревитализация шаманизма у шорцев Чувашенской территории видится несколько в ином ключе. Дело, конечно, не только в «душевном спокойствии». «Возрожденный» шаманизм в контексте исследуемой ситуации, скорее всего, необходим именно для переживания местным сообществом нанесенной им травмы через сакрализацию нарушенного угольными компаниями природного пространства. Наделенные сакральными свойствами природные объекты, такие, к примеру, как священная гора Карагайляш (к настоящему времени полностью уничтоженная), как, собственно, и сам ликвидированный Казас, продолжают не только суще-

ствовать в пространстве локального дискурса, но и поддерживать групповую солидарность индигенного населения.

Мировая антропология такие примеры знает и в большом количестве их описала¹³. Нарушенные природные объекты в этом случае, обретая символическое бессмертие и неуязвимость перед лицом экстрактивизма, консолидируют сообщества, способствуют более отчетливой манифестации групповой отличительности и поддержанию дискурса неповторимости разрушающейся уникальной этнической культуры, этнической памяти, идентичности.

Нормативная культура как потенциал постконфликтного восстановления

Помимо описанных выше практик ревитализации шаманизма и сакрализации переживаемой травмы потенциал постконфликтного восстановления у рассматриваемых сообществ шорцев может быть найден также в специфике нормативной культуры. Как уже было отмечено в литературе (Hansen 2015), индигенные традиции обычного права, в отличие от государственно-правовых систем, чаще всего нацелены не на реализацию ретребутивной функции, связанной с идентификацией вины и наказанием виновных с целью восстановления абстрактной справедливости, а, скорее, исполняют функцию ресторативную, цель которой состоит в восстановлении нарушенных внутри сообщества связей, предписанных и культурно атрибутированных отношений и взаимодействий. При этом понятие вины часто может даже не фигурировать при рассмотрении тех или иных случаев нарушения обычно-правовых норм.

Для рассматриваемого нами случая переживаемой шорским населением травмы и последствий конфликта эта оптика открывает новый угол зрения, открывающий в чем-то неожиданные перспективы анализа локальных дискурсов.

Последние хотя и задействуют обвинительную риторику в адрес «внешних сил» в лице угольных компаний, разрушающих жизненное пространство шорцев, бездействующей власти, не способной им помочь, собственных лидеров, преследующих лишь личные интересы и т.д., все же довольно редко выводят концепт (чужой) вины на уровень «вынесения приговора», назначения кому-либо наказания или хотя бы простого пожелания справедливого возмездия. Имеющиеся у нас материалы, пожалуй, не содержат ни одного подобного высказывания информантов. Исключение составляет лишь мотив наказания со стороны духов (Funk 2016b). Чаще вина, скорее, интериоризируется, укладываюсь в контекст воспоминаний о некогда лично совершенных проступках, либо (что наблюдается намного чаще) замещается призывами ис-

кать выход из создавшегося тяжелого положения, а не заниматься поиском виновных.

Последняя из упомянутых позиций, явно доминирующая в среде рассматриваемых сообществ, сегодня нашла свое воплощение сразу в трех проектах постконфликтного восстановления, развиваемых наиболее активными инициативными группами.

Первая из них объединяет в основном пятерых собственников сгоревших в Казасе домов. Ею на данный момент организована общественная организация «Возрождение Казаса и шорского народа», от лица которой сформулированы требования к руководству угольных разрезов и региональной власти. Суть их заключается в выплате погорьельцам достойной компенсации, реанимации Чувашенского национального сельского совета и в гарантиях сохранения казасского кладбища.

Вторая группа, состоящая из активистов пос. Чувашка, рассматривающих (и не без оснований) свой поселок как следующую жертву угольных разрезов, видит путь к разрешению конфликта между шорцами и угольщиками в создании Территории общественного самоуправления (ТОС), которая должна позволить шорским поселкам выходить на прямой контакт с добывающими компаниями, как это было в период существования Чувашенского национального сельского совета.

Позиция местных властей нашла свое отражение в действиях третьей группы, которая ведет работу над проектом строительства «нового» Казаса, мыслимого как пространство развития шорской культуры на базе крупного культурного центра и развития туризма.

Использованная нами оптика, по большому счету, не характерная для российской практики социально-антропологических исследований ресурсных конфликтов, вполне рельефно демонстрирует свои достаточно широкие эвристические возможности, раскрывая не столько видимую сторону количественных и качественных изменений в положении индигенных сообществ, сколько их внутреннюю мотивацию и потенциал, направленные на постконфликтное восстановление и адаптацию в измененных социальных условиях. Столь же очевидны и практические аспекты нового языка описания ресурсных конфликтов на землях коренных народов, применимого в контексте медиации и построения устойчивого диалога на стадии постконфликтного восстановления.

Обращает на себя внимание и тот факт, что опробованный нами язык хотя и был применен для описания кейса ресурсного конфликта на землях одного из коренных малочисленных народов, в достаточной степени универсален и, как нам видится, может послужить основой для

аналогичного исследования в иных этнических, географических, культурных контекстах. В нашем случае шорцы суть лишь «модельное» сообщество. Как показывает опыт наблюдения за развитием конфликта в данном регионе, основная масса населения в районах экстенсивной добычи полезных ископаемых может рассматриваться с использованием сходных терминов и с тех же позиций.

Примечания

¹ Здесь мы имеем ввиду то, что в англоязычной литературе принято обозначать понятием *resilience*, выражающим способность человеческого сообщества гибко, оперативно и эффективно приспосабливаться к изменяющимся жизненным условиям, восстанавливая при этом основы характерных для него социальных связей, культурных практик и групповой идентичности с учетом новых контекстов.

² Подробно о критике теоретических подходов и практики «этнологических экспертиз» в России см. (Funk 2016a: 345–368).

³ Речь идет о многолетних исследованиях на территории МО «г. Мыски» Кемеровской области, выполненных: (1) Лабораторией этносоциальных и этноэкологических исследований Кемеровского государственного университета в 2004–2017 гг., в том числе в рамках общественной этнологической экспертизы 2004 г., проведенной на территории Чувашенской сельской администрации (н.п. Чувашка, Тоз, Казас) по оценке воздействия промышленной инфраструктуры шахты «Урегольская» на местные сообщества коренной малочисленной народности – шорцев, а также экспедиционных выездов в указанный район в 2010–2017 гг. в рамках выполнения грантов РФФИ № 13-06-98081 (рук. В.В. Поддубиков), 16-46-420035 (рук. В.В. Поддубиков) и РНФ № 15-18-00112 (рук. Д.А. Функ). Все собранные в результате этих работ используемые нами материалы сохранились в личном архиве В.В. Поддубикова; (2) Лабораторией социально-антропологических исследований Томского государственного университета, осуществлявшей ежегодные наблюдения за развитием конфликта между локальным сообществом шорцев пос. Казас (ныне ликвидированного) и угольной компанией «Южная» в период с 2013 г. по настоящее время в рамках гранта РНФ № 15-18-00112 (рук. Д.А. Функ) и мегапроекта № 14.B25.31.0009, реализовывавшегося в рамках Постановления Правительства РФ № 220 (рук. Д.А. Функ). В этой части используемые в настоящей работе материалы предоставлены С.А. Арцевичем; (3) кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, сотрудники которой имеют опыт полевых исследований на юге Кемеровской области с начала 1980-х гг. по настоящее время (используются полевые материалы из личного архива Д.А. Функа).

⁴ URL: <https://ecodefense.ru>

⁵ URL: <http://coalaction.org.uk>

⁶ URL: <http://fern.org/about-us>

⁷ Тогда жителей довольно крупного поселка, в котором были восьмилетняя школа и клуб, административным решением переселили в город. Этот сюжет является первым в истории ликвидации шорских поселений в связи с промышленным освоением района.

⁸ В 1990-е гг. в Кузбассе целый ряд сельских советов, в том числе в местах компактного проживания шорцев, получил статус национальных.

⁹ В этом направлении в региональной прессе и медиа-пространстве существуют довольно острые высказывания. См., например: Бабаев Т. Двадцать девять миллионов причин // Кузбасс. 15.04.2015. URL: <http://kuzbass85.ru/2015/04/15/29-millionov-prichin>.

¹⁰ Кавычки в данном случае есть лишь свидетельство использования этого термина без какой-либо тени иронии. Попутно можно заметить, что проблема определения шама-

низма как религии настолько сложна, что ее обсуждение ни в коем случае не могло стать задачей данной статьи.

¹¹ Обсуждение локальных дискурсов участия духов в ситуации вокруг Казаса см.: Funk 2016b.

¹² В Мысках появится духовный центр шорцев // Новости Кузбасса. Информационное агентство [сайт]. 2007–2014. URL: <http://www.kuzbassnews.ru/2013/07/16/v-myskah-rozavitsya-duhovnyy-centr-shorcev.html>

¹³ Здесь вновь в качестве удачной иллюстрации уместно упомянуть работу Джудит Бовенсиепен (Bovensiepen 2015).

Литература

- Андреева Д., Харрис А. Медленная смерть в Сибири – почему зависимость Европы от поставок угля губительна для лесов России и коренного населения шорцев. Брюссель: Fern, 2018. 26 с.
- Бойко В.И., Садовой А.Н., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Вып. 2: Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Изд.-во ИФИП СО РАН, 2008. 257 с.
- Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В. и др. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 232 с.
- Мурашко О.А. (отв. ред.) Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2002. 131 с.
- ПМА 1 – аудиозаписи 2013 г., г. Мыски, д. Казас (архив кафедры этнологии МГУ).
- ПМА 2 – из материалов личного архива С.А. Арцемовича.
- Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «Город Мыски» Кемеровской области. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1.
- Тревоги мира: социальные последствия глобализации мировых процессов. Доклад UNRISD для всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.
- Acosta A. 'Post-Extractivism: From Discourse to Practice – Reflections for Action'. Alternative Pathways to Sustainable Development: Lessons from Latin America. International Development Policy series Vol. 9. Geneva; Boston: Graduate Institute Publications, Brill-Nijhoff, 2017. P. 77–101.
- Berezhkov D. 'Coal Mining in Kemerovo Oblast, Russia'. Briefing Note, September 2012 (IWGIA, RAIPON). URL: https://www.iwgia.org/images/publications//0595_Coal_Mining_in_Kemerovo_Oblast_Briefing_note_Sept_2012.pdf
- Bovensiepen J.M. The Land of Gold. Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste. Ithaca, New York: Cornell University, Southeast Asia Program Publications, 2015. 216 p.
- Brown K. 'Where king coal is a cruel ruler. Coal imported from Russia leaves a trail of destruction' Big Issue North. The Independent Street Paper. June 26, 2016. URL: <https://www.bigissuenorth.com/news/2016/06/where-king-coal-is-a-cruel-ruler/>
- Ditch Coal. The Global Mining Impacts of the UK's Addiction to Coal. A Report of Coal Action Network. November, 2015. URL: <https://www.coalaction.org.uk/wp-content/uploads/2018/01/Ditch-Coal-Report.pdf>

- Engels B., Dietz K. *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 255 p.
- Funk D. „Néprajzi szakértés” a posztszovjet Oroszországban // *Ethnographia*. 2016a. T. 127, sz. 3. P. 345–368.
- Funk D. “Where Do Spirits Re-Settle? Extractive Industries and New Spiritual Landscapes in South Siberia”. A talk presented at Symposium “Changing Epistemologies and Life”, Uppsala, 7 October 2016b. URL: <http://www.antro.uu.se/beach-symposium/>
- Gilberthorpe E., Hilson G. (eds.). *Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization*. Surrey; Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 283 p.
- Hansen J.G. ‘Decolonizing Indigenous Histories and Justice’ / eds. M. Neuburger, P. Dörrenbächer // *Nationalisms and Identities Among Indigenous Peoples: Case Studies from North America. Nationalisms Across the Globe Series*. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 2015. Vol. 16. P. 13–25.
- The Cost of Coal*. Impact of Russian Coal Mining on the Environment, Local Communities and Indigenous peoples. Ecodefence. 2015. URL: <https://ecdru.files.wordpress.com/2015/12/russian-coal.pdf>
- Valencia A. *Human Rights Trade-Offs in Times of Economic Growth: The Long-Term Capability Impacts of Extractive-Led Development*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- Veltmeyer H., Petras J. *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century?* London: Zed Books, 2014. 311 p.

Статья поступила в редакцию журнала 21 марта 2018 г.

Poddubikov Vladimir V., Artsemovich Sergey A., and Funk Dmitriy A.

THE “RESOURCE CURSE” WITH A SHADE OF ANTHRACITE: INDIGENOUS PEOPLES AND EXTRACTIVE COMPANIES OF KUZBASS IN A CONFLICT SITUATION

DOI: 10.17223/2312461X/20/8

Abstract. The article discusses research on social costs of the Russian model of coal extractivism. Through the case of one of the most notorious and acute conflicts between indigenous population – the Shors – and coal mining companies operating in the Kemerovo region (Russia), it describes key conflict discourses, explores practices of coping with the conflict as well as the implications thereof, and identifies the potential for indigenous communities’ post-conflict recovery. The article draws on the authors’ multi-year observation of conflicts unfolding in the regions of extensive coal mining. In Russian social anthropology scholarship, conflicts over resources on the land of indigenous peoples have not been much elaborated on in terms of experiencing trauma, overcoming it, and undergoing post-conflict recovery; the case study presented in the article partly fills this gap.

Keywords: extractivism, conflicts over resources, “resource curse”, social anthropology, industrial development projects’ social impact assessment, indigenous peoples

References

- Andreeva D., Harris A. *Medlennaia smert’ v Sibiri – Pochemu zavisimost’ Evropy ot postavok uglia gubitel’na dlia lesov Rossii i korenogo naseleniia shortsev* [The slow death in Siberia – Why Europe’s dependence on coal is disastrous for Russian forests and the indigenous Shor population]. Briussel’: Fern, 2018. 26 s.
- Boiko V.I., Sadovoi A.N., Poddubikov V.V. i dr. *Etnologicheskaia ekspertiza. Vyp. 2. Etnopoliticheskie, sotsial’no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede te-*

- leutov Belovskogo i Gur'evskogo raionov Kemerovskoi oblasti* [Ethnological impact assessment. Issue 2. Ethno-political, socio-economic, and ethno-demographic processes among the Teleut population of the Belovo and Gurievsk areas of the Kemerovo region]. Novosibirsk: Izd.-vo IFiP SO RAN, 2008. 257 s.
- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V. i dr. *Etnoekspertiza na Iamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnological impact assessment in Yamal: Nenets pastures and gas fields]. Ekaterinburg: "Izdatel'stvo AMB", 2014. 232 s.
- Murashko O.A. (otv. pred.) *Opyt provedeniia etnologicheskoi ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeistviia pprogrammy OAO "Gazprom" poiskovo-razvedochnykh работ v akvatoriiakh Obской i Tazovskoi gub na komponenty ustoičevogo razvitiia etnicheskikh grupp korennykh malochislennykh narodov Severa* [Conducting ethnological impact assessment. Assessing a potential impact caused by the Gazprom natural resources exploration programme implemented in the water area of the rivers of Ob and Taz and identifying the elements of sustainable indigenous development]. Assotsiatsiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka, 2002. 131 s.
- PMA 1 – audiozapisi 2013 g., g. Myski, d. Kazas (arkhiv kafedry etnologii MGU).
- PMA 2 – iz materialov lichnogo arkhiva S.A. Artsemovicha.
- Sadovoi A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V. i dr. *Etnologicheskaiia ekspertiza. Otsenka vosdeistviia OOO "MetAL" (OAO MMK – Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat) i UK "Iuzhnyi Kuzbass" (stal'naia gruppа "Mechel") na sistemy zhisneobespecheniia avtokhtonnoho i russkogo naseleniia Chuvashenskoii sel'skoi administratsii MO "Gorod Myski" Kemerovskoi oblasti* [Ethnological impact assessment. Assessing the impact of MetAL LLC (Magnitogorsk Metallurgical Plant – MMK OJSC) and the Management Company "Yuzhnyy Kuzbass" ("Mechel" Steel Group) on living conditions of the local indigenous and Russian population of the village of Chuvashka MO "Gorod Myski", Kemerovo region]. Kemerovo: IUU SO RAN, 2005. Vyp. 1.
- Trevogi mira: sotsial'nye posledstviia globalizatsii mirovykh protsessov. *Doklad UNRISD dlia vseмирnoi vstrechi na vysshem urovne v interesakh sotsial'nogo razvitiia* [The world's worries: social implications of globalisation. UNRISD report at the high-profile world meeting for social development]. M: In-t etnologii o antropologii RAN, 1997.
- Acosta A. 'Post-Extractivism: From Discourse to Practice—Reflections for Action'. *Alternative Pathways to Sustainable Development: Lessons from Latin America. International Development Policy series* Vol.9. Geneva, Boston: Graduate Institute Publications, Brill-Nijhoff. 2017. p. 77–101
- Berezhkov D. 'Coal Mining in Kemerovo Oblast, Russia'. *Briefing Note, September 2012 (IWGIA, RAIPON)* [https://www.iwgia.org/images/publications/0595_Coal_Mining_in_Kemerovo_Oblast_Briefing_note_Sept_2012.pdf].
- Bovensiepen J.M. *The Land of Gold. Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste*. Ithaca, New York: Cornell University, Southeast Asia Program Publications. 2015. 216 p.
- Brown K. 'Where king coal is a cruel ruler. Coal imported from Russia leaves a trail of destruction' *Big Issue North. The Independent Street Paper*. June 26, 2016 [<https://www.bigissuenorth.com/news/2016/06/where-king-coal-is-a-cruel-ruler/>]
- Ditch Coal. *The Global Mining Impacts of the UK's Addiction to Coal. A Report of Coal Action Network*. November, 2015 [<https://www.coalaction.org.uk/wp-content/uploads/2018/01/Ditch-Coal-Report.pdf>]
- Engels B., Dietz K. *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 255 p.
- Funk D. „Néprajzi szakértés” a posztsovjjet Oroszországban // *Ethnographia*, 2016a, T. 127, sz.3: 345–368.
- Funk D. "Where Do Spirits Re-Settle? Extractive Industries and New Spiritual Landscapes in South Siberia". A talk presented at Symposium "Changing Epistemologies and Life", Uppsala, 7 October 2016 [<http://www.anthro.uu.se/beach-symposium/>].

- Gilberthorpe E., Hilson G. (eds.): *Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization*. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 283 p.
- Hansen J.G. 'Decolonizing Indigenous Histories and Justice'. Neuburger M., Dörrenbächer, P. (eds.) *Nationalisms and Identities Among Indigenous Peoples: Case Studies from North America. Nationalisms Across the Globe Series*, Vol. 16. Oxford & Bern & Berlin & Bruxelles & Frankfurt am Main & New York: Peter Lang, 2015. p. 13–25.
- The Cost of Coal. *Impact of Russian Coal Mining on the Environment, Local Communities and Indigenous peoples*. Ecodefence. 2015 [<https://ecdru.files.wordpress.com/2015/12/russian-coal.pdf>]
- Valencia A. *Human Rights Trade-Offs in Times of Economic Growth: The Long-Term Capability Impacts of Extractive-Led Development*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- Veltmeyer H., Petras J. *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century?* London: Zed Books, 2014. 311 p.